

ў галіне культуры : мат. нав.-практ. канф., Брэст, 1993 г.— 1993.— Брэст.— С. 7–10.

3. Скарупска, А. Беларуская меншасць у Польшчы / А. Скарупска // Polska i Białoruś po rozszerzeniu Unii Europejskiej.— 2005.— Warszawa.— S. 213–221.

4. Снапкоўскі, У. Беларуска-польскія сувязі ў 1980-я гг. / У. Снапкоўскі // Беларусь — Польша: путь к сотрудничеству : мат. науч.-практ. канф., Минск, 11 ноября 2004 г.— 2005.— Минск.— С. 66–73.

5. Хмялінскі, Б. Грамадскі рух у Польшчы за добрасуседства з Беларуссю (1991–2006 гг.) : дысертацыя на атрыманне вучонай ступені доктара гістарычных навук: 07.00.15: абаронена 20.06.07: зацверджана 12.12.07 / Хмялінскі Баляслаў ; навуковы кансультант Лойка Л. В. — Мінск : БДУ, 2007.

6. Adamczyk, L. Mniejszości narodowe w Polsce w 1992 roku / L. Adamczyk // Białoruś, Czechosłowacja, Litwa, Polska, Ukraina. Mniejszości narodowe w świetle spisów statystycznych XIX–XX w.— 1996.— Lublin.— S. 113–122.

7. Rychlik, J. Realizacja praw mniejszości białoruskiej w Polsce i mniejszości polskiej na Białorusi / J. Rychlik // Dziedzictwo pogranicza: realizacja praw mniejszości polskiej na Litwie, Białorusi, Ukrainie i w Czechach oraz mniejszości białoruskiej, litewskiej, ukraińskiej i czeskiej w Polsce.— 2013.— Łódź.— S. 113–140.

Т. В. Зайдаль

Минск, Белорусский государственный университет

Передача социокультурного опыта в префигуративной культуре

Социальная динамика, как нам представляется, всегда отставала от технических инноваций. Немецкий философ и теоретик культуры Вальтер Беньямин характеризовал XIX век как «неспособный ответить на новые технологические возможности новым социальным порядком» [1, р. 94]. О XX веке американский социолог Дэниел Белл писал: «В настоящем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях» [2, с. 331]. Тем отчетливее виден темп изменений, который приобрели после наступления цифро-

вой революции социальные процессы. Человек XXI века столкнулся с проблемой передачи социокультурного опыта и определения самого его содержания в мире высоких технологий и неконтролируемого потока информации. Конкретизируя эту проблему, мы пришли к нескольким существенным вопросам: кто, кому, в каком направлении и, главное, какой социокультурный опыт передает, какие паттерны (ценностно-смысловые структуры) передачи этого опыта сохраняет?

В информационном обществе молодые люди становятся источником не только новых типов отношений в системе «человек-техника», но и новых форм социальной жизни, которые базируются на этих технологиях и их широком внедрении в повседневность. Вместе с технологиями претерпела изменения и межпоколенная трансмиссия культуры, информационный поток, идущий теперь не только от родителей к детям, но и от детей к родителям. Процесс вхождения ребенка в культуру все больше детерминруется навыками и опытом, принадлежащими его поколению. Свой вклад в разработку темы внесли М. Херсковиц, М. Мид, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, К. Мангейм, Л. Фойер, Е. Шацкий, С. Л. Шалаева, В. А. Луков, В. З. Шурбе и другие. На наш взгляд, дальнейшее изучение форм и механизмов передачи социокультурного опыта в префигуративной культуре является важным элементом устойчивого развития общества.

Каждая культура предполагает передачу опыта, который выражается в формах осуществления любой социально значимой деятельности людей, знаниях, традициях, нормах, ценностных ориентациях, культурных паттернах и пр. По А. Я. Флиеру, социальный опыт если и не тождествен всей культуре во всем многообразии ее форм и артефактов, то «является квинтэссенцией ее содержания, продуктом исторической селекции различных технологий удовлетворения человеческих интересов и потребностей, аккумулирующим наиболее приемлемые по социальной цене и последствиям способы осуществления коллективной жизнедеятельности людей, их социальной консолидации и регуляции, локализации культурной специфики сообществ и их социального воспроизводства» [3, с. 98]. Таким образом, проявляются основные функции социокультурного опыта — аккумуляция культурных черт и особенностей и их трансляция от поколения к поколению для социального воспроизводства сообщества.

Американский культурантрополог Маргарет Мид в отношении взаимодействия разных поколений выдвинула категорию «фигуративности». Типология включает три типа культуры: постфигуративный, кофигуративный и префигуративный. Постфигуративная культура определяет тип отношений, где дети учатся у старшего поколения. Эта культура ориентирована на прошлое, традицию, безусловное принятие опыта предков. В кофигуративной культуре дети и взрослые учатся у сверстников. Кофигурация возникает, когда опыт молодого поколения радикально отличается от опыта их родителей и дедов: она ориентирована на настоящее и передачу опыта от современников. Префигуративная культура ориентирована на будущее, и в ней взрослые учатся у своих детей. Прошлый опыт не только недостаточен, но может препятствовать дальнейшему развитию общества. Префигуративная культура выводит молодое поколение на новый уровень межпоколенного авторитета, что означает признание со стороны взрослых (повышение статуса детей и молодежи на государственном и международном уровнях, детоцентризм, культ юности, джэйнизм (предпочтение молодых людей более старшим в политике, рекламе) и пр.). Префигуративность связана с глубокими изменениями сознания современного человека, вызванными прежде всего информационными технологиями, пронизывающими социальную реальность. Динамичность и многоаспектность этого процесса порождают новые формы бытия человека в социальном измерении.

Если в традиционной схеме отбор приемлемого содержимого социокультурного опыта (норм, ценностей, моделей поведения) происходит достаточно длительное время, то в префигуративной культуре время отбора/отбраковки социокультурной информации сокращено, а критерии избирательности наследования неопределённые (слишком разнообразны), ведь постмодернистское видение разрешает различные девиации. Традиция как основная форма социального наследования утрачивает свое влияние.

Ускорение темпов изменений провоцирует повышение требований к уровню образования каждого последующего поколения. Знания мгновенно устаревают. Опыт старшего поколения лишь частично отвечает на запросы современного общества. Немецкий философ Одо Марквард назвал это «ускоренным устареванием опыта»: «То же самое происходит и с нашим опытом, ведь в нашем жизненном мире все реже повторяются те ситуации, в которых

и для которых мы этот опыт приобретаем. По этой причине вместо того чтобы по мере постоянного роста опыта и познания мира становиться самостоятельными, т.е. взрослеть, мы постоянно и все быстрее вновь откатываемся к состоянию, для которого мир в большинстве своих проявлений неизвестен, нов, чужд и непонятен, а это и есть положение детей. Опыт — это единственное средство против чуждости миру, но теперь оно больше не действует... Люди больше не взрослеют» [4].

Того же мнения придерживается и американский профессор психологии Элисон Гопник. По ее концепции, в обществе знания человек должен учиться постоянно. Позиция ученика — это детская позиция, ведь взрослость как раз и характеризуется тем, что человеку больше не нужно учиться, а нужно реализовывать знания. По ее словам, дети больше не взрослеют, мы вплотную подошли к эпохе «бесконечного детства» [5]. «Lifelong learning» — образование на протяжении всей жизни, непрерывное образование — становится частью повседневности. Ситуация безостановочной учебы таит в себе опасность: когда же передавать полученный опыт следующему поколению? Вложив в руки ребенка электронное устройство, которое само покажет и расскажет? Так делали родители нынешнего молодого поколения, создав цифровые технологии и передав опыт их использования. Теперь же возникает проблема, что и как передавать, ведь никто уже не знает, что может понадобиться через 5 лет.

Э. Тоффлер призывал общество обратиться к будущему, передавать иные навыки: «Новое образование должно научить индивида, как классифицировать и переклассифицировать информацию, как оценивать ее достоверность, как при необходимости изменять категории, как переходить от конкретного к абстрактному и наоборот, как взглянуть на проблемы под новым углом зрения, как заниматься самообразованием. Неграмотным в будущем будет не тот человек, который не умеет читать, а тот, кто не научился учиться» [6, с. 450]. Не случайно сейчас в качестве базовых компетенций ценится адаптивность, креатив, «fluid intelligence» — подвижное, творческое мышление, умение быстро находить неочевидные решения для никогда до этого не возникавших задач. «Оценивать достоверность информации» — еще одно важное умение в мире, где мы все больше вынуждены принимать на веру те опытные знания, которые были получены не нами и о которых мы знаем только по-

наслышке, по большей части из средств массовой информации. Одо Марквард подчеркивает парадоксальность этой ситуации: чем более научным становится опыт, тем более мы вынуждены полагаться на веру. А эта зависимость от опыта, полученного не нами, всегда была прерогативой положения ребенка.

Важной характеристикой социокультурного опыта в префигуративной культуре является его всеобщность. В традиционном обществе трансляция культуры, а фактически — специализированных фрагментов социального опыта, присущего этой культуре (А. К. Петров), по преимуществу происходит в рамках страт, сословий, этнических и религиозных групп. Не все общество воспроизводит себя целиком, а каждая страта воспроизводит свою специфику и свое место в общем социальном порядке. «Сегодня же, — как отмечала Маргарет Мид, — вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших» [7, с. 361]. У миллениала из одной страны куда больше общего с миллениалом из другой страны, чем со старшими поколениями внутри его собственного народа.

Исследователи отмечают возрастающую (под влиянием ускорения процессов изменений) потерю непрерывности, пропасть между «опытом и ожиданием». Ожидание будущего все меньше определяется мерой прежде имевшегося опыта и в силу этой тенденции все больше становится иллюзией.

Одновременно появляются «компенсаторные линии преемственности» [4]. Мы не можем взять опыт из его традиционного источника и ищем такой источник в прошлом или за счет снижения индивидуальной культурной идентичности. Паттерны, встраиваясь в глобальный контекст, помогают нам действовать с минимальными затратами энергии даже в динамично меняющемся мире. Молодые люди сами становятся архитекторами своего мировосприятия, плавая в информационном пространстве «текучей/жидкой современности» (З. Бауман) и конструируя множество опытов, смыслов по своему выбору.

Эти процессы связаны с низвержением авторитетов во всех сферах социальной жизни. Поскольку миллениалы не уважают власть, они ею и не возмущены. Конфликт поколений нивелируется, родители выступают как советчики, на первый план выходит жизненная осторожность.

Опосредование социокультурного опыта информационной средой происходит через медиа, прежде всего через экраны компьютеров, телевизоров, смартфонов и других гаджетов. Информационные технологии позволяют аккумулировать, передавать и воспроизводить информацию, что отчуждает человека от первоначального источника опыта. Появляются новые объекты, аккумулирующие знания и опыт, создаваемые в реальном времени большим количеством людей. Примером может служить электронная энциклопедия Википедия, создаваемая людьми интерактивно и в этом схожая с понятием технообраза (в искусстве) французского культуролога Анны Коклен. Технообраз — нематериальный, подвижный и нестабильный объект, создаваемый в сетевом пространстве одними пользователями, изменяемый другими, в результате чего все становятся соавторами, активным началом, субъектами социального действия, а объект живет независимо от автора, является плодом «коллективного разума».

Социокультурное наследование протекает через усвоение и расшифровку вербальных и невербальных форм прошлого жизненного опыта культуры.

В современном мире все события или открытия мгновенно становятся достоянием широкой общественности. По замечанию Тоффлера, «В электрическую эпоху мы носим на себе как свою кожу все человечество» [6, с. 57]. Но дело не только в немедленном распространении событий современности, «теперь мы ощущаем влияние всех прошлых событий по-новому, ибо прошлое возвращается к нам с новой силой» [6, с. 28]. Событие, затронувшее небольшое количество людей во время своего свершения в прошлом, может иметь широкомасштабные последствия сегодня. Так было не всегда. Пелопоннесская война повлияла на Грецию и будущее Европы в целом, но вряд ли о ней подозревали тогда жители Японии или Мексики. Теперь история догоняет нас и реально влияет на людей. Она становится частью всеобщего, глобального опыта, коммуникации, культурной памяти.

Одновременно с этим цифровой эре свойственны понятия забывания, беспамятства. Режиссер Терри Гиллиам в одном из интервью дал достаточно емкое определение нынешнего поколения: «Я бы хотел снять кино про поколение людей, у которых не будет памяти. Про тех, кто не помнит имена и телефоны друзей, важные даты... Сейчас оно как раз растет. Эти дети на любой во-

прос немедленно кидаются в Интернет, чтобы проверить IMDb, Википедию и поискать в Google. Тотальное исчезновение памяти. Как снять кино про людей, настолько одержимых Интернетом? Про тех, которые все время должны обозначать, где они находятся, что сделали и увидели... Это инопланетяне — поколение, у которого постоянный зуд, кратчайший фокус внимания, нетерпимое желание все получить здесь и сейчас. Что это за жизнь, в которой нет памяти и ожидания?» [8]. Меняется сам способ запоминания — мы запоминаем, где находится нужная информация, а не ее саму.

Зрелый возраст, являющийся периодом максимальной реализации человеческих способностей и интегрированности в общественные сферы в традиционном обществе, в префигуративной культуре уже не является таковым. Приведем цитату, взятую в одной из групп социальной сети Вконтакте, которая точно описывает современную ситуацию: «Когда наши родители думают, что мы еще вырастем, то мы не можем им объяснить, что этот мир просто поменялся. Мы в нем уже взрослые. Не настанет момент, когда нам захочется одеться серьезнее или снять кольцо из носа. *Этот мир уже принимает нас на работу такими*». Инновации агрессивно теснят взрослых в профессиональной деятельности, приносящей доход. Компания Google прямо говорит, что уже берет на работу людей 14 лет. Потому что молодость быстрее всего производит новое.

Ученые отмечают доминирующую позицию постфигуративности, кофигуративности и префигуративности в соответствующие эпохи премодерна, модерна и постмодерна.

В современном мире социокультурный опыт передается во всех направлениях — от детей к родителям и обратно от родителей (тех же детей в некоторых смыслах). Исследователи предлагают выделять новый полифигуративный (социологи В. З. Шурбе, И. Б. Бритвина) или эстрафигуративный (социолог С. В. Лапина) типы культуры, в которых разные поколения учатся у разных поколений (все учатся у всех). Данные понятия в рамках социологии не объясняют причин-следствий зарождающегося типа, принадлежности к культурной эпохе, не затрагивают контекста изменения сознания и картины мира современного человека. Все это еще подлежит изучению.

Мы предполагаем, в зарождающейся эпохе «постпостмодерна», или метамодерна, эпохи «новой искренности», где судьба метамодернового человека — преследовать бесконечно отсту-

пающие горизонты — доминировать будет новый тип передачи социокультурного опыта (метафигуративный), устремленный в будущее, основанный на стремлении к очевидным ценностям, уважении и деидеологизации исторического наследия.

Литература

1. Benjamin, W. *Blauqu* / W. Benjamin // *Selected Writings*. Vol. 4. 1938–1940. Benjamin London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2003.
2. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // *Новая технократическая волна на Западе*.— М. : Прогресс, 1986.— С. 330–342.
3. Флиер, А. Я. *Культурология для культурологов : учебное пособие* / А. Я. Флиер.— М. : Академический Проект, 2000.
4. Марквард, О. Эпоха чуждости миру? [Электронный ресурс] / О. Марквард // *Отечественные записки*.— 2003.—№ 6 (15). — Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru>.
5. Гопник, Э. Что изменит все? Бесконечное детство [Электронный ресурс] / Э. Гопник.— Режим доступа : <http://esquire.ru/future-never-ending-childhood>.
6. Тоффлер, Э. *Шок будущего* : пер. с англ. / Э. Тоффлер.— М., 2002.
6. Мид, М. *Культура и мир детства* / М. Мид // *Избранные произведения* / ред., сост. и автор послесловия И. С. Кон.— М., 1988.
7. Долецкая, А. Встреча Терри Гиллиама и Алены Долецкой [Электронный ресурс] / А. Долецкая.— Режим доступа : <http://www.interviewrussia.ru/movie/vstrecha-terri-gilliana-i-aleny-doleckoy>.

В. А. Зайцева

Минск, Белорусский государственный университет

Формирование лингвокультурологической компетенции как к акту межкультурной коммуникации в процессе обучения переводу

Сегодня рассмотрение перевода как феномена опосредованной межъязыковой коммуникации предполагает участие как минимум двух языковых и культурных традиций, что в свою очередь определяет значимость академической дисциплины «Перевод и межкультурная коммуникация», изучаемой студентами специальности 1–21 06 01–02 «Современные иностранные языки (перевод)» Белорусского государственного университета.